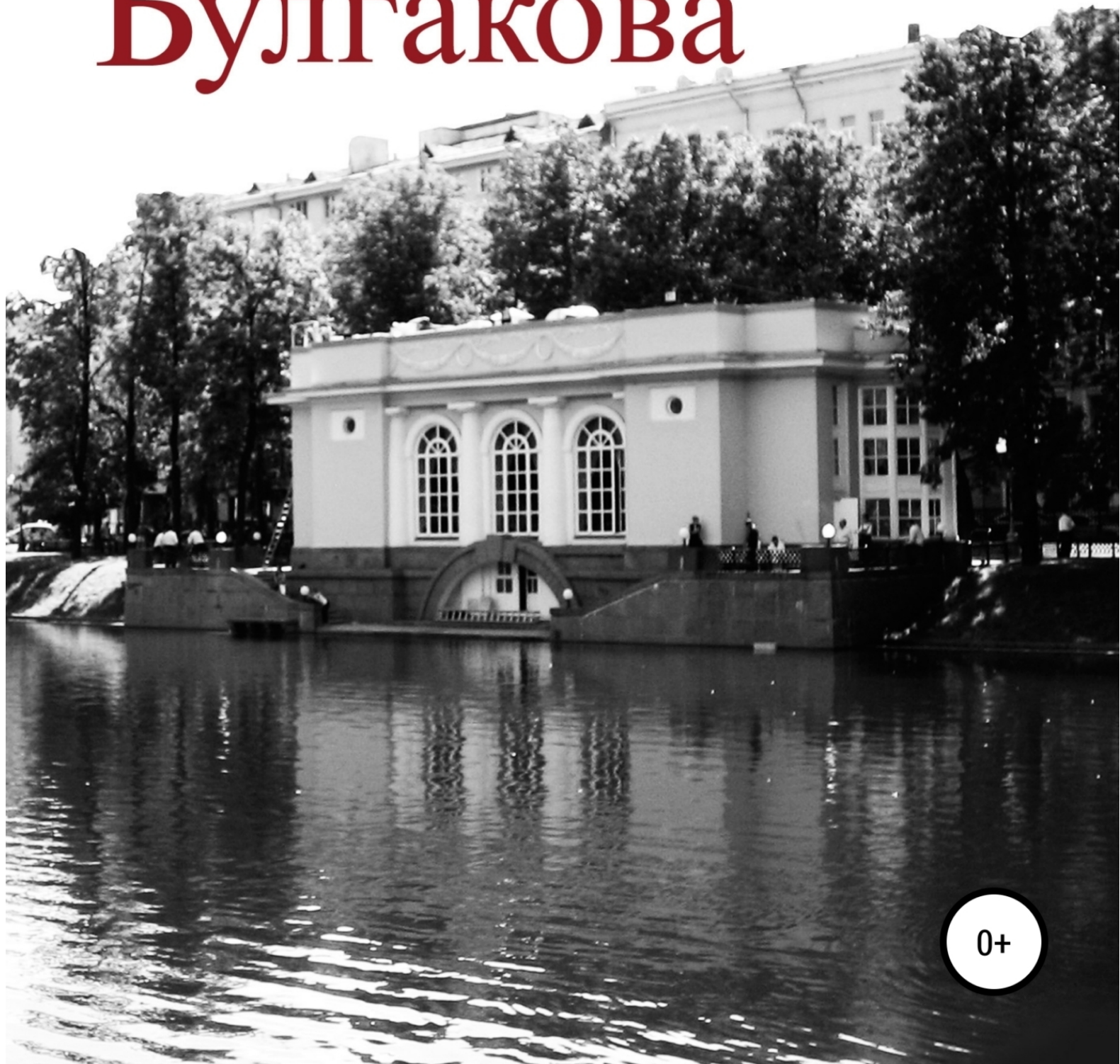

Владимир Колганов

Москва Михаила Булгакова

0+

Владимир Колганов
Москва Михаила Булгакова

«Автор»

2020

Колганов В. А.

Москва Михаила Булгакова / В. А. Колганов — «Автор», 2020

Книга рассказывает о тех уголках Москвы, которые связаны с жизнью и творчеством Михаила Булгакова. Каждый московский адрес представлен фотографией. Среди героев книги – люди, знакомые Булгакову по работе в театре, друзья, ну и конечно, персонажи его произведений. Одна из глав посвящена погоне Ивана Бездомного за Воландом, Коровьевым и Бегемотом – их путь от Патриарших до Остоженки проиллюстрирован фотографиями старой Москвы. Все фотографии отреставрированы автором. Часть фотографий сделана автором в 1970-2010 гг. Авторы фотографий, сделанных в начале прошлого века, неизвестны.

© Колганов В. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Дом Мастера	5
Глава 2. Дом Маргариты	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Колганов

Москва Михаила Булгакова

Глава 1. Дом Мастера

После приезда в Москву осенью 1921 года Булгаков и его жена Татьяна Лаппа жили на птичьих правах в квартире № 50 дома № 10 на Большой Садовой, у сестры Булгакова, Надежды Земской. Увы, домком отказал семье Михаила Афанасьевича в прописке. К счастью, Булгакову удалось устроиться в литературный отдел Главполитпросвета (ЛИТО). Но если бы не участие в его судьбе руководительницы Главполитпросвета Надежды Константиновны Крупской, пришлось бы будущему классику возвращаться в Киев.

1

904 г. Дом № 10 на Большой Садовой. На заднем плане – церковь Ермолая, расположенная недалеко от места, где Берлиоз попал под колёса трамвая.

До революции 1917 года дом № 10 на Большой Садовой принадлежал Илье Пигиту. Свою карьеру Илья Пигит, перебравшийся в Москву из Керчи, начал рабочим на табачной фабрике другого выходца из Крыма, караима Самуила Габая. Прошло время, и Пигит стал одним из директоров предприятия Габая, а в 1891 году основал торговый дом «И. Пигит и К^о» и табачную фабрику «Дукат» – в начале прошлого века она размещалась в Чухинском переулке (ныне улица Гашека) поблизости от Триумфальной площади. Торговый дом Пигита открыл несколько магазинов в Москве – на Большой Никитской, на Кузнецком Мосту в пассаже Солодовникова, где торговал Садук Пигит, в Петровских линиях, на Петровке и на Арбате. На внутренней части Садового кольца, неподалёку от сада «Аквариум» в начале прошлого века Илья

Пигит задумал построить ещё одно фабричное здание. Однако городские власти наложили запрет на промышленное строительство в этом месте, и в 1903 году здесь появился пятиэтажный доходный дом, известный москвичам как дом Пигита.

1923 г. Рабкоммуна в бывшем доме Пигита.

В этом доме жила семья владельца торгово-посреднической конторы Артура Борисовича Манасевича. Его сын, Владимир Лёвшин, которому в 1921 году было семнадцать лет, стал детским писателем. Вот что он вспоминал о жизни в доме Пигита:

«Бельэтаж с длинными балконами на улицу занимал сам Пигит. Компаньон его, владелец гильзовой фабрики Катък («Покупайте гильзы Катыка!»), разместился на четвертом этаже второго корпуса. Кто же ещё? <...> Главным образом здесь квартировала интеллигенция: врачи, художники, адвокаты, артисты. С домом Пигита связаны имена известные, иногда – замечательные. <...> Я жил тогда временно в квартире 34, в том самом подъезде, где помещаются студии...»

Владимир Лёвшин пишет и о жизни в этом доме уже в советское время:

«Постановлением районного Совета из дома выселены «классово чуждые элементы». Взамен исчезнувших жильцов появились новые – рабочие расположенной по соседству типографии. Одни расселились в опустевших помещениях, другие заняли комнаты в квартирах оставшихся. Оставшиеся – это интеллигенты, из тех, кто либо сразу принял революцию, либо постепенно осваивался с ней. К этому времени относится знаменательное событие в послереволюционной истории дома: он становится первым в Москве, а может быть и в стране, домом – рабочей коммуной. Управление, а частично и обслуживание его переходят в руки общестественности. ... Наша семья жила здесь с самого основания дома (он моложе меня всего двумя годами). Мы занимали квартиру 34, и в 19/20 гг. в ней тоже появились новые жильцы. В жизнь вошло не слишком приятное слово «уплотнение». В моей судьбе оно обернулось неожиданной радостью: зимой 1922/1923 года в комнате по коридору налево поселился Михаил Булгаков».

А вот какое «открытие» сделал Лёвшин:

«В бюрократической фантазмагории «Дьяволиада» под номером 302 значится некая совершенно неуловимая комната, где помещается Бюро претензий. В «Театральном романе» число 302 превращается в номер страницы, на которой издатель Рудольфи предлагает Максудову вычеркнуть слово «дьявол»... Вот оно что! Стало быть, это число обладает в глазах автора совершенно определённой «дьявольской» образностью, и не случайно он пометил им дом, где поселил Воланда».

Разгадка «дьявольской образности» оказалась удивительно проста (см. книгу «Дом Маргариты», опубликованную в 2011 году), стоило посмотреть на номер телефона квартиры княгини Киры Алексеевны Козловской, возлюбленной Михаила Булгакова в 1916-1917 годах:

**КОЗЛОВСКАЯ Алдра Григ. Ка-
лужская Нескучный садъ.
Варш. Контр. палага.
— кн. Алдра Мих. В. Молча-
новка 18. Т. 199-17.
— кн. Кира Ал-Ъев. Обуховъ
6. Т. 32-07.**

Три цифры в память о несчастной любви, да ещё это «бис» в номере дома на Большой Садовой (дом № 302-бис), не вполне эквивалентная замена семёрке. Сочетание тех же самых цифр мы находим и в телефонном номере Булгакова в то время, когда он жил на Пироговке – 2-03-27. Булгаков на волне своей популярности после постановки «Турбиных» в МХАТ добился, чтобы ему дали телефон именно с таким номером, во всяком случае, содержащим требуемые цифры:

**БУЛГАКОВ Ал-ей Дм., заслуж. арт. бал.
Еропкинский п., 11, кв. 3. (ГОТОВ).
— Мих. Афан., писатель-драматург. Б. Пироговская, 35-б, кв. 6, т. 2-03-27.**

До революции в доме Пигита обитали весьма интересные персоны. Здесь работали в своих студиях художники Пётр Кончаловский и Аристарх Лентулов, соседствуя с Николаем Рябушинским, самым непутёвым из восьми сыновей фабриканта Павла Рябушинского.

К 1905 году Николай отошёл от дел и полностью отдался своим увлечениям. Сначала организовал журнал «Золотое руно», затем – выставку российских художников-символистов. В 1908 году Рябушинский, изрядно поистратившись, не в силах пережить личную душевную драму, предпринял попытку самоубийства, по счастью, неудачную – это случилось в его квартире, даже остался след на потолке от пули.

Жил в доме и поднадзорный инженер-марксист Герман Борисович Красин, брат самого Леонида Красина, будущего дипломата и совпреда. А в конце 20-х годов прошлого века в доме появился не менее примечательный жилец, Вениамин Яковлевич Тарсис, работник «Госиздата». Неудачливый литератор не подозревал, что в послевоенные годы ему суждено стать известным диссидентом. Здесь же, следуя фантазии писателя, поселился Михаил Берлиоз,

лишённый впоследствии жилплощади в результате действий шайки Воланда. Однако в этом доме обитали фигуры не менее зловещие, чем Фагот или Азazelло. Племянник бывшего владельца дома, Давид Садукович, состоял в партии левых эсеров, а его сестра Анна за участие в «Боевой организации» оказалась на каторге, в печально известных Нерчинских рудниках. В 1918 году накануне покушения на Ленина в их квартире жила Фанни Каплан.

1933 г. Большая Садовая, дом № 10.

На Триумфальной площади, в которую упирается Большая Садовая, есть и другие места, связанные с жизнью Булгакова и его творчеством.

Первое примечательное здание появилось на Триумфальной площади стараниями Шарля Омона. В 1891 году его антреприза имела успех на французской выставке в Москве, и предприимчивый иностранец продолжил дело на сцене театра, располагавшегося в доме Лианозова в Камергерском переулке, предлагая публике программу парижского кафешантана. А в 1902 году на углу Тверской улицы возникло здание театра «Буфф», который добропорядочные москвичи называли не иначе как «вертеп Омона». В 1907 году француз разорился, и владельцем дома стал Игнатий Зон, присвоивший театру оперетты собственное имя. Традиция продолжилась и в советское время, когда на углу Тверской и Триумфальной обосновался ГосТиМ – государственный театр имени Мейерхольда, до этого размещавшийся в помещении бывшего пассажа Лидии Постниковой на углу Тверской и улицы Белинского (ныне Никитского переулкa). В 1938 году на Триумфальной площади было построено новое здание для театра, но в связи с его закрытием и арестом самого Мейерхольда, здание отдали Московской филармонии под Концертный зал имени Чайковского.

1920-е годы. Вид на Триумфальную площадь со стороны Большой Садовой улицы. Театр Мейерхольда в здании бывшего театра «Буфф» и справа от него – Мюзик-холл в здании бывшего цирка Никитиных.

Булгаков невзлюбил Мейерхольда – возможно, завидовал его популярности и уж наверняка не разделял авангардистских взглядов театрального новатора. Вот какую едкую характеристику Булгаков дал любимцу тогдашней публики: «Этот человек беспринципен настолько, что чудится, что на нём нет штанов». Для столь образного описания Мейерхольда были основания – Булгаков презирал приспособленцев.

До октября 1917 года Всеволод Мейерхольд считался вполне успешным театральным режиссёром – особой популярностью он пользовался в Европе. Поэтому многие были удивлены, когда Мейерхольд вместо того, чтобы эмигрировать, вдруг записался в партию большевиков, надел кожаную куртку, фуражку с красной звездой и провозгласил «Театральный Октябрь». Именно так эти события описывали современники. К первой годовщине революции он поставил знаменитую комическую оперу «Мистерия-буфф» по пьесе Маяковского. Оказавшись в кресле руководителя театрального совета при Наркомпросе, Мейерхольд намеревался решительно реформировать театр: «Скоро не будет зрителей, все будут актерами, и только тогда мы получим истинное театральное искусство».

Театр для Мейерхольда стал площадкой для воплощения самых смелых, неожиданных идей. Одной из них стал синтез традиционного актёрского искусства с тем, что принято называть биомеханикой. Вот фрагменты из доклада «Актёр будущего и биомеханика», сделанного Мейерхольдом в 1922 году:

«Рассматривая работу опытного рабочего, мы отмечаем в его движениях: 1) отсутствие лишних, непроизводительных движений, 2) ритмичность, 3) правильное нахождение центра тяжести своего тела, 4) устойчивость... Процесс работы опытного рабочего всегда напоминает танец, здесь работа становится на грань искусства. Зрелище правильно работающего человека доставляет известное удовольствие. Это всецело относится и к работе актера будущего театра».

Булгаков откликнулся на нововведение фельетоном «Биомеханическая глава»:

«В общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены – дыра (занавеса, конечно, нету и следа). В глубине – голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами. А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты. Какие-то клетки, наклонные плоскости, палки, дверки и колеса. И на колесах буквы кверху ногами "сч" и "те". Театральные плотники, как дома, ходят взад и вперед, и долго нельзя понять: началось уже действие или еще нет. <...> Действие: женщина, подобрав синюю юбку, съезжает с наклонной плоскости на том, на чем женщины и мужчины сидят. Женщина мужчине чистит зад платяной щеткой. Женщина на плечах у мужчины ездит, прикрывая стыдливо ноги прозодеждной юбкой.

– Это биомеханика, – пояснил мне приятель. Биомеханика!! Беспомощность этих синих биомехаников, в своё время учившихся произносить слащавые монологи, вне конкуренции. И это, заметьте, в двух шагах от Никитинского цирка, где клоун Лазаренко ошеломляет чудовищными salto! ...

– Мейерхольд – гений!! – завывал футурист.

Не спорю. Очень возможно. Пускай – гений. Мне всё равно. Но не следует забывать, что гений одинок, а я – масса. Я – зритель. Театр для меня. Желая ходить в понятный театр.

– Искусство будущего!! – налетели на меня с кулаками.

А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрёт и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам. Его поймут. Публика будет довольна его колесами, он сам получит удовлетворение гения, а я буду в могиле, мне не будут сниться деревянные вертушки...»

В повести "Роковые яйца", написанной в 1924 году, Булгаков также не обошёл вниманием популярного режиссёра:

«Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году, при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушились трапеции с голыми боярами».

Надо признать, что существование театра Мейерхольда было бы невозможным без поддержки Троцкого и Луначарского. Рассчитывая на покровительство власти, Мейерхольд даже сформировал при театре художественно-политический совет из партийно-правительственной верхушки во главе с тем же Троцким. «Первому красноармейцу» он посвятил и свой спектакль с весьма впечатляющим названием «Земля дыбом», но здесь причина была чисто утилитарная – Троцкий помог оформить постановку, выделив военную амуницию, полевые телефоны, мотоцикл и даже прожектора.

Как известно, судьба в лице НКВД не пощадила театрального новатора.

1933 г. Здание Мюзик-холла на Триумфальной площад.

Когда-то в здании, где в 1920-1930-х годах размещался Мюзик-холл, давал представления цирк Никитиных. Братья Никитины были выходцами из крестьянской семьи. Вместе с отцом выступали в балаганах и цирках. Отец – шарманщик, Дмитрий – атлет и солист на балайке, Аким – жонглёр и рыжий клоун, Пётр – шпагоглотатель и гимнаст на трапеции. Сын Акима, Николай, был жонглёром на лошади. В 1886 году братья Никитины купили пустовавшее круглое здание «Панорамы Плевны», стоявшее на Цветном бульваре вплотную к цирку Саламонского, и начали здесь представления «Русского цирка братьев Никитиных». Представления Никитиных пользовались огромным успехом. Но Саламонскому конкуренты были совершенно ни к чему, он выкупает у них здание цирка, а также вынуждает подписать договор, на основании которого Никитины обязуются уехать из Москвы и впредь не открывать в ней цирков. Однако через год Никитины снова возвращаются в Москву и открывают цирк, на этот раз, на Воздвиженке. Разгневанный Саламонский подаёт в суд, однако проигрывает дело. Тем не менее, вскоре Никитины покинули Москву и стали работать вновь в провинции, по-прежнему пользуясь у публики успехом. Благодаря этому на торжества по случаю коронации Николая II в 1896 году приглашают именно их цирк. Вернулись они в первопрестольную только в 1911 году с тем, чтобы открыть цирк на площади Старых Триумфальных ворот. Аким Александрович оставался его директором вплоть до 1917 года.

В 1920-х Булгаков часто играл в казино, которое размещалось в этом здании. Здесь же происходил сеанс чёрной магии с разоблачением из романа «Мастер и Маргарита»:

«Выход мага с его длинным помощником и котом, вступившим на сцену на задних лапах, очень понравился публике.

– Кресло мне, – негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг. – Скажи мне, любезный Фагот, – осведомился Воланд у клетчатого гаера, носившего, по-видимому, и другое наименование, кроме «Коровьев», – как по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось?

Маг поглядел на затихшую, пораженную появлением кресла из воздуха публику.

– Точно так, мессир, – негромко ответил Фагот-Коровьев.

– Ты прав. Горожане сильно изменились, внешне, я говорю, как и сам город, впрочем...»

Всем известно, как закончился сеанс чёрной магии в варьете. Впрочем, Владимир Лёвшин (Манасевич) настаивает, что никакого варьете здесь не было:

«Как старый московский театрал могу вас заверить, что Варьете (во всяком случае, большого и известного) в те, 20-е, годы в Москве не было. Но был Мюзик-холл на Большой Садовой, в доме 18. Его открыли в 1926 году в здании 2-го Госцирка, которое прежде принадлежало цирку Никитиных. Теперь оно перестроено, и там Театр сатиры...»

А между тем, варьете здесь появилось ещё в первые годы прошлого века. На площади Старых Триумфальных ворот, на углу Большой Садовой, располагался дом купца Алексея Гладышева. Поначалу здесь был устроен трактир, а позже ресторан и варьете под впечатляющим названием «Альказар». Вскоре после революции в «доме Гладышева» обосновался Театр Эстрады, затем Театр Сатиры, а там дело дошло и до Театра «Современник». Однако никто так и не прижился, и, видимо, поэтому дом снесли.

А вот что пишет Валентин Катаев в книге «Алмазный мой венец», опубликованной в 1979 году, – это рассказ о посещении казино, располагавшегося в здании Мюзик-холла:

«Денег, конечно, не было. Тогда происходило следующее: синеглазого [Булгакова] и меня отправляли на промысел. Складывали последние копейки. Выходило рубля три. В лучшем случае пять. И с этими новыми, надёжными рублями, пришедшими на смену бумажным миллионам и даже миллиардам военного коммунизма, называвшимися просто «лимонами», мы должны были идти играть в рулетку, с тем чтобы выиграть хотя бы червонец – могучую советскую десятку, которая на мировой бирже котировалась даже выше старого доброго английского фунта стерлингов: блистательный результат недавно проведенной валютной реформы. <...> С бодрыми восклицаниями, скрывавшими неуместную робость, мы вошли в двери казино и стали подниматься по лестнице, покрытой кафешантанной ковровой дорожкой, с медными прутьями. <...> Прежде чем поставить нашу единственную трёшку, мы долго совещались. – Как вы думаете, на что будем ставить? На чёрное или на красное? – озабоченно спросил синеглазый. (Конечно, об игре на номера, о трансверсале и о прочих комбинациях мы и не помышляли. Нас устраивал самый скромный выигрыш: получить за три рубля шесть и скорее бежать к Елисееву за покупками – таков был наш план, основанный на том традиционном предположении, что первая ставка всегда выигрывает.). <...> Мы ставили на чёрное или на красное, на чёт или на нечет и почему-то выигрывали. Быть может, нам помогала нечистая сила, о которой впоследствии синеглазый написал свой знаменитый роман. Не делая второй ставки и схватив свои шесть рублей, мы тут же бежали по вьюжной Тверской к Елисееву...»

Дом, где Булгаков и Катаев собирались потратить свои шесть рублей, имеет богатую историю. В начале 70-х годов XIX века в Москву из Петербурга перебрался Самуил Малкиель, разбогатевший на поставках обуви для армии. Он купил два дома на Тверской – один на углу Большого Гнездииковского, а другой – напротив, на углу Козицкого переулка, прежде принадлежавший князьям Белосельским-Белозерским. Супруга купца имела намерение открыть в доме музыкально-литературный салон по примеру Зинаида Волконской, которая когда-то жила в этом доме. В конце 70-х годов у Малкиеля возникли трудности с поставками обуви для армии. Пришлось продать оба дома, а театр перешёл во владение Фёдора Корша.

1900-е гг. Магазин Елисеева на Тверской улице.

Позднее дом на углу Козицкого переулка сменил несколько хозяев и, наконец, перешёл во владение Григория Елисеева. 23 января 1901 года в реконструированном здании открылся знаменитый «магазин Г.Г. Елисеева и погреба русских и иностранных вин». С 1921 года магазин Елисеева, переименованный в «Гастроном № 1», вновь стал символом сытой и счастливой жизни.

Рядом со зданием, где когда-то размещался Мюзик-холл, находится ещё одно примечательное место, где, вероятно, не раз бывал Булгаков, после трудов праведных отдыхая на природе, – это сад «Аквариум». Знающие люди утверждают, что одно из окон кабинета финдиректора Римского выходило в сад, и именно через это окно в кабинет проникла Гелла:

«Финдиректор отчаянно оглянулся, отступая к окну, ведущему в сад, и в этом окне, заливаемом луною, увидел прильнувшее к стеклу лицо голой девицы и ее голую руку, просунувшуюся в форточку и старающуюся открыть нижнюю задвижку... Варенуха... шипел и чмокал, подмигивая девице в окне. Та зашпешила, всунула рыжую голову в форточку, вытянула сколько могла руку, ногтями начала царапать нижний шпингалет и потрясать раму. Рука ее стала удлиняться, как резиновая, и покрылась трупной зеленью. Наконец, зеленые пальцы мертвой обхватили головку шпингалета, повернули ее, и рама стала открываться... Рама широко распахнулась, но вместо ночной свежести и аромата лип в комнату ворвался запах погреба. Покойница вступила на подоконник. Римский отчетливо видел пятна тления на ее груди. И в это время неожиданный крик петуха долетел из сада, из того низкого здания за тиром, где содержались птицы, участвовавшие в программах. Горластый дрессированный петух трубил, возвещая, что к Москве с востока катится рассвет».

Когда-то здесь были огороды Новодевичьего монастыря. Позже братья Самуил и Исаак Малкиель, сыновья петербургского купца, разместили здесь цех своего механического завода. Однако затем было решено использовать эту территорию по другому назначению и в 1893 году братья открыли увеселительный сад под названием «Чикаго»: построили театр, несколько эстрад, в центре появился большой фонтан с водопадом и железная ажурная башня для иллю-

минаций. В начале прошлого века Шарль Омон, владелец театра «Буфф», арендовал сад «Чикаго».

1900 г. Вход в сад «Аквариум» на Большой Садовой улице.

Шарлю Омону американское название не понравилось, и он переименовал сад по аналогии с петербургским «Аквариумом», который пользовался большой популярностью у столичной публики. В 1899 году в газетах появилось сообщение, что в саду «Аквариум» у Шарля Омона производятся подъёмы баллонов. Кроме полётов на воздушных шарах посетителям сада «Аквариум» предлагали ещё одно диковинное для москвичей развлечение – катание на роликовых коньках.

После банкротства Омона в 1907 году и его бегства из Москвы сад перешёл во владение Московского городского кредитного общества. Сад реконструировали, построили открытый летний театр. В 1913 году владельцем сада стал «русский негр» Фёдор Томас, который вместе с компаньонами взял сад в аренду. Когда-то Фредерик Брюс Томас работал официантом в ресторанах Чикаго, затем перебрался в Европу, а в 1899 году устроился официантом в московский ресторан «Яр», где подрабатывал пением с эстрады. Через два года Томас стал помощником управляющего, а вскоре принял российское гражданство.

1899 г. Запуск воздушного шара в саду «Аквариум».

В нескольких десятках метров от дома Пигита, если идти в сторону Малой Бронной, когда-то стояла церковь святого Ермолая. Эта церковь и близлежащий переулок были названы в память о христианском священнике. Во время царствования императора Диоклетиана в Римской империи начались гонения на христиан. Ермолай продолжал тайные проповеди, но был схвачен и казнён отсечением головы. Как известно, Михаил Берлиоз также потерял голову – это случилось на углу Ермолаевского переулочка и Малой Бронной.

Но вот какое удивительное совпадение: усадьба с парком и прудами в приходе церкви святого Ермолая принадлежала в середине восемнадцатого века унтер-лейтенанту морского флота князю Александру Михайловичу Урусову, обер-камергеру и члену Государственного совета. А дочь княгини Киры Алексеевны Козловской, возлюбленной Булгакова в 1916-1917 гг. вышла замуж за князя Сергея Леонидовича Урусова, одного из потомков владельца упомянутой усадьбы.

Пришло время рассказать ещё об одном доме, располагавшемся неподалёку от церкви святого Ермолая. Булгаков в этом доме не бывал, но этот адрес был ему хорошо знаком. В 1929 году Михаил Афанасьевич познакомился с Еленой Сергеевной Нюренберг. В то время она и её муж Евгений Шиловский, начальник штаба Московского военного округа, жили в бывшем доме Франца Шехтеля – № 4 на Большой Садовой. Булгаков и Елена Сергеевна встречались на Патриарших прудах, куда Булгаков приезжал с Большой Пироговской улицы, где он жил в то время. Через два года Елена Нюренберг стала женой Булгакова.

1920-е гг. Бывший дом архитектора Шехтеля близ Малой Бронной улицы.

Это тот самый «маленький беленький особнячок» рядом с Малой Бронной, где Булгаков поселил профессора Кузьмина, «специалиста по болезням печени», и где после визита буфетчика воробышек на столе профессора отплясывал фокстрот и омерзительно гадил в чернильницу:

«Воробышек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в неё (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху будто стальным клювом ткнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94-го года, разбил стекло вдребезги и затем уже улетел в окно. Профессор переменял номер на телефоне и вместо того, чтобы позвонить Буре, позвонил в бюро пивков, сказал, что говорит профессор Кузьмин и что он просит сейчас прислать ему пивок на дом».

В своих дневниковых записях от 1961 года последняя жена Булгакова написала об этом доме так:

«Жил он в это время на Большой Пироговской, а мы на Большой Садовой, угол Малой Бронной, в особнячке, видевшем Наполеона, с каминами, с кухней внизу, с круглыми окнами, затянутыми сиянием, словом, дело не в сиянии, а в том, что далеко друг от друга...»

Елена Сергеевна за давностью лет немного путает – угловой дом № 2 по Большой Садовой был построен в 1903 году для Страстного монастыря. В 1929 году, когда бурно развивался роман Елены Сергеевны с Булгаковым, она вместе с мужем, красным генералом, жила в доме № 4, построенном всего лишь за двадцать лет до этих событий и в 20-е годы принадлежавшем военному ведомству. В квартире № 2 обитали тогда Шиловские, а в квартире № 1 – комкор Роберт Эйдеман. Позже там поселился и Иона Якир, арестованный в 1937 году вместе с Михаилом Тухачевским.

Впрочем, если верить дневниковым записям Елены Сергеевны, их тогдашнее жилище пережило нашествие Наполеона. Тогда, скорее всего, речь идёт об особняке Арсеньевых, доме № 3, располагавшемся близ угла Большой Садовой и бывшей Живоёрки, за аптекой Рубановского. О том же сообщает и адрес-календарь Москвы за 1930 год.

С другой стороны, та же Елена Сергеевна уверяет, что жили они на углу Большой Садовой и Малой Бронной. Трудно поверить, что жена Булгакова не смогла разобраться, на какой стороне Большой Садовой стоял дом. А между тем, именно с этим домом связана история отношений, которые могли привести к печальному исходу. Известно, что у Булгакова состоялся тяжёлый разговор с Шиловским, узнавшим об измене жены, тот даже угрожал наганом. Следует ли после этого удивляться, что драматические события «Мастера и Маргариты» начинаются в минуте ходьбы от этого особняка на Большой Садовой, а трагическая развязка встречи Берлиоза с Воландом происходит на углу Малой Бронной и Ермолаевского переулка.

Напротив бывшего дома Шехтеля, где Булгаков поселил профессора Кузьмина, располагалась аптека, также упомянутая в романе «Мастер и Маргарита»:

«Вырвавшись из подворотни, буфетчик диковато оглянулся, как будто что-то ища. Через минуту он был на другой стороне улицы в аптеке. Лишь только он произнес слова: «Скажите, пожалуйста...» – как женщина за прилавком воскликнула:

– Гражданин! У вас вся голова изрезана!..

Минут через пять буфетчик был перевязан марлей, узнал, что лучшими специалистами по болезни печени считаются профессора Бернадский и Кузьмин, спросил, кто ближе, загорелся от радости, когда узнал, что Кузьмин живёт буквально через двор в маленьком беленьком особнячке, и минуты через две был в этом особнячке».

1905 г. Аптека Рубановского на углу Большой Садовой и Владимиро-Долгоруковской улицы, бывшей Живодёрки. За спиной фотографа – Малая Бронная.

Несколько слов об истории этой аптеки. С 80-х годов XIX века её владельцем был Александр Афанасьевич Рубановский. В 1908 году штатный сотрудник Комиссаровского технического училища получает чин статского советника и становится почётным членом попечительского совета училища. Видимо, ему уже не к лицу было заниматься торговлей, и в 1910 году он продаёт свой дом вместе с аптекой коллеге по профессии Эммануилу Моисеевичу Криваткину. Аптекарь жил в одном доме вместе с братом, коллегой Булгакова по профессии. Припомним, что осенью 1917 года Булгаков был направлен в Вяземскую городскую земскую больницу заведовать инфекционным и венерическим отделением. А в 1918 году он открыл частный кабинет венеролога в Киеве. А новое место жительства Александра Рубановского было расположено

недалеко от прежнего – в доме Вешняковых, как раз напротив той скамейки, где Берлиоз и Коровьев встретили загадочного иностранца.

В конце 40-х годов нечётная сторона Большой Садовой была застроена новыми домами. Однако аптека в доме № 1 по Большой Садовой работает и в наше время.

1938 г. Большая Садовая после реконструкции. Слева – сад «Аквариум». Через два дома за ним – дом Пигита, где Булгаков жил в 1922-1924 годах.

Особое место в трудах исследователей жизни и творчества Булгакова занимает тема трамвая. До сих пор так и не найден убедительный ответ на вопрос: ходил ли в 30-х годах трамвай по Малой Бронной, у Патриаршего пруда, или Булгаков всё выдумал?

Но вот цитата из книги известного знатока истории московского трамвая С.А. Тархова:

«В феврале 1927 г. из-за перегрузок на узкой Тверской улице (между Страстной и Триумфальными площадями) было решено снять трамвайные пути и пустить трамвай в обход через Малую Дмитровку (Чехова). Этот проект удалось реализовать только осенью 1929 г., когда сначала предложили перенести пути в соседние переулки (на Малую Бронную, Спиридоновку и Козихинский пер.), а затем здесь вовсе закрыли движение трамвая».

Однако ни Малый, ни Большой Козихинские переулки по своему расположению для прокладки трамвайных линий никак не подходили. Наверное, поэтому никогда их там и не было.

А вот более интересная цитата:

«На 1932 г. трест МГЖД запланировал постройку 25 новых линий общим протяжением в 112 км... в т.ч. Бронно-Грузинской 5,1 км. <...> Большая часть этих линий была построена, но не в течение одного, а нескольких лет».

Если сделать приблизительный расчёт, оказывается, что расстояние от Тишинской площади до Никитских ворот составляет около двух с половиной километров. С учётом двухпутного пути, получаем те самые пять с лишком километров Бронно-Грузинской линии. А между тем, примерно в это время, то есть в 1933-1934-м годах в «закатном романе» появились строки о трамвае, движущемся со стороны Садовой. Несколько позже автор маршрут трамвая изме-

нил, пустив его с «новопроложенной» линии, из Ермолаевского переулка – судя по всему, тогда она и была построена.

Вопреки утверждениям скептиков, свидетельств отсутствия трамвайных путей на Малой Бронной не нашлось в архивах. Есть мнение, что следы печального происшествия на углу Ермолаевского и Малой Бронной старательно уничтожаются остатками шайки Воланда в попытке избежать преследования за убийство Берлиоза со стороны прокуратуры. Подчищены, подправлены трамвайные маршруты на картах и в транспортных конторах. Проведены воспитательные беседы со старушками у Патриаршего пруда. Налицо также и результаты работы агентов потустороннего влияния от литературы и булгаковедения.

Но если всё же допустить, что правы те старожилы Патриарших прудов, которые видели трамвай на Малой Бронной в 40-х годах, то один из маршрутов пролегал именно с улицы Красина через Садовую по Малой Бронной. Что вовсе не исключает и маршрут с Ермолаевского переулка.

1940 г. Идёт реконструкция бывшего дома Чижиковой. На асфальте две едва заметные светлые полосы – возможно, это трамвайные рельсы. Слева от фотографа – Малая Бронная.

Как известно, в 1924 году Булгаков оставил Татьяну Лаппа и женился на Любови Белозерской. Дом Пигита пришлось покинуть, писатель мог бы остаться без жилья, но снова помогла сестра. В 20-х годах Надежда Земская была директором школы, которая находилась в доме № 46 по Большой Никитской улице. В 1924 году она ненадолго приютила брата и его вторую жену.

1925 г. Дом № 46, Большая Никитская улица. Здесь находилась школа, в которой Надежда Земская работала директором.

В своих воспоминаниях Белозерская писала:

«Сестра М. А. Надежда Афанасьевна Земская приняла нас в лоно своей семьи, а была она директором школы и жила на антресолях здания бывшей гимназии. Получился «терем-теремок». А в теремке жили: сама она, муж её Андрей Михайлович Земский, их маленькая дочь Оля, его сестра Катя и сестра Н. А. Вера. Это уж пять человек. Ждали приезда из Киева младшей сестры, Елены Булгаковой. Тут ещё появились и мы. К счастью, было лето, и нас устроили в учительской на клеёнчатом диване, с которого я ночью скатывалась, под портретом сурового Ушинского. Были там и другие портреты, но менее суровые, а потому они и не запомнились. С кротостью удивительной, с завидным терпением – как будто так и надо и по-другому быть не может – принимала Надежда Афанасьевна всех своих родных. В ней особенно сильно было развито желание не растерять, объединить, укрепить булгаковскую семью».

К осени Булгаковы нашли себе квартиру в Чистом (бывшем Обуховом) переулке и переехали туда. Об этом доме речь пойдёт в третьей главе.

1914 г. Дом № 32 по Пречистенке – Поливановская гимназия. В 1920-х гг. здесь жил Борис Шапошников.

Летом 1926 года Булгаков с Любовью Белозерской арендовали квартиру в доме № 30/4 на Пречистенке. В доме № 32, где прежде размещалась Поливановская гимназия, жил Борис Шапошников. Художник группы «Бубновый валет», искусствовед и театровед был другом Булгакова и его партнёром по игре в шахматы. Поблизости жили друзья Булгакова. В Мансуровском переулке – художник-декоратор Сергей Топлёников, а на Остоженке – филолог Николай Лямин. Это был так называемый пречистенский круг друзей Булгакова. Но после его женитьбы на Елене Нюренберг-Шиловской произошло постепенное отдаление писателя от старых друзей, и он сблизился с артистами и режиссёрами МХАТ.

1914 г. Вид с Остоженки на 2-й Ильинский (ныне 2-й Обыденский) переулок. Справа – дом № 7, где жил Николай Лямин.

Николай Лямин, близкий друг Булгакова, до революции жил в Савёловском (ныне Пожарском) переулке, а позже поселился в доме № 7 по Остоженке. Иван Артемьевич Лямин, дед Николая Николаевича, ворочал миллионами, что стало поводом для преследования внука со стороны властей в 30-х годах прошлого века. Однако в середине 20-х годов ничто не предвещало несчастья. Как вспоминала Любовь Белозерская, однажды жена Лямина подарила Булгакову книгу Александра Чаянова «Венедиктов, или достопамятные события жизни моей. Романтическая повесть, написанная ботаником X, иллюстрированная фитопатологом Y. Москва, V год Республики». Оказалось, что герой, от имени которого ведется рассказ, носит фамилию Булгаков, а повествование связано с пребыванием сатаны в Москве, с борьбой Булгакова за душу любимой женщины, попавшей в подчинение к дьяволу. Возможно, это послужило толчком к написанию «закатного романа».

В доме № 7 по Остоженке, принадлежавшем Варваринскому акционерному обществу домовладельцев, с 1903 года жила семья директора правления этого общества Николая Терновца. Его сын Борис осваивал профессию скульптора и изучал историю искусств в Европе. После объединения в 1923 году морозовской и шукинской коллекций Терновец стал директором Музея нового западного искусства, существовавшего до 1938 года. В этом же доме жил и Григорий Григорьевич Эренбург, в 90-х годах XIX века директор Хамовнического пивоваренного завода. Его старший сын, Давид, пошёл по стопам отца и стал управляющим Землянского пивоваренного завода, а младшего увлёк вихрь событий 1905 года. Полгода он просидел в тюрьме, после чего отправился в Париж. Только в 1917 году Илья Григорьевич вернулся в Россию. Так началась карьера известного советского писателя и публициста.

На углу Пречистенки и Еропкинского переулка стоит дом № 23/16, где в 20-е и 30-е годы прошлого века снимал квартиру Сергей Иванович Вавилов. Его отец, крестьянский сын, перебравшись в Москву, работал в магазине купца Сапрыкина, который торговал мануфактурой. Сергей Вавилов, поначалу занимавший должность заместителя директора в торговом доме, увлёкся физикой, поступив в Московский университет. В 1945 году он был избран президентом АН СССР.

В доме № 23/16 (дом с вывесками) на углу Пречистенки и Еропкинского переулка жил Сергей Вавилов. Слева за деревьями – дом № 30/4 на углу Пречистенки и Малого Левшинского переулка, где в 1926 году жил Булгаков.

Еропкинский переулок ведёт направо, к Остоженке, а слева, за садом расположен Малый Левшинский переулок. До революции 1917 года дом на дальнем его углу принадлежал сыновьям богатого золотопромышленника Павла Берга. В начале прошлого века здесь жил Василий Павлович Берг. Позже братья обосновались в доме № 26 на Арбате, бывшем доме издателей Сабашниковых, где со временем разместился театр Вахтангова, позже названный именем своего создателя. Именно для этого театра Булгаков написал пьесу «Зойкина квартира». А в 1926 году состоялась премьера спектакля по этой пьесе – в то время Булгаковы жили на Пречистенке.

Из воспоминаний Любви Белозерской:

«Мы переехали... Наш дом угловой по М. Левшинскому; другой своей стороной он выходит на Пречистенку (ныне Кропоткинскую) № 30».

Сейчас на месте здания, где квартировали Булгаковы, стоит памятник Василию Сурикову.

За домом, где жил Сергей Вавилов, начинается Мансуровский переулок. В средней его части сохранился дом, который принято называть домом Мастера, описанным в романе «Мастер и Маргарита».

Накануне революции 1917 года хозяином дома № 9 по Мансуровскому переулку был Сергей Иванович Топлёников. В 90-х годах прошлого века он служил управляющим кирпичного заводика в селе Ивановском Звенигородского уезда Московской губернии.

Мансуровский переулок, дом № 9. Здесь жил Сергей Топлёнинов.

До переезда Топлёнинова в Москву дом в Мансуровском переулке принадлежал Сергею Шильдбаху, дворянину, сыну основателя Московского кредитного общества. Судя по всему, Топлёнинов был женат на дочери Адольфа Герике, которого связывали с семьёй Шильдбахов не только деловые отношения. После того, как Шильдбах попался на финансовых махинациях, он продал дом Топлёникову. Позднее в одной из квартир жил его сын, Сергей Сергеевич Топлёников, а в подвале дома он оборудовал макетную мастерскую.

Поблизости, в доме № 3 по Мансуровскому переулку с 1914 года работала театральная студия Евгения Вахтангова. Здесь пробовала свои силы в драматургии Марина Цветаева, представив пьесу «Метель», однако попытка оказалась неудачной. Мансуровская студия Вахтангова позже была преобразована в 3-ю студию МХТ, а осенью 1921 года обрела собственную сцену на Арбате.

На углу Остоженки и Мансуровского переулка когда-то стояло двухэтажное здание с флигелем. Здесь Пётр Иванович Щукин, совладелец торгового дома «И.В. Щукин с сыновьями» и коллекционер русских древностей, в 1908 году поселил свою жену с детьми, а дом на Малой Грузинской стал музеем, хранилищем его коллекции.

После успеха «Дней Турбиных» во МХАТе Булгаков смог арендовать приличную квартиру. В августе 1927 года семья переехала с Малого Левшинского на Большую Пироговскую улицу. До революции 1917 года три разноэтажных дома под номером 35 на Большой Пироговской принадлежали семье купца Решетникова. Булгаков арендовал квартиру в двухэтажном особняке, которому при советской власти присвоили № 35Б.

В 1961 году по распоряжению исполкома Моссовета была произведена «надстройка 2-3 этажного жилого дома № 35А по Б. Пироговской улице». Волею начальства, дома № 35А и 35Б были объединены под номером 35А. При этом четырёхэтажный дом сохранился в первоначальном виде до сих пор.

Тут можно усмотреть намёк на некий «мистический смысл». В 1921 году писатель задумал пьесу о Григории Распутине и Николае II, даже просил сестру подобрать «материал для исторической драмы». Пьесу Булгаков не написал, однако через шесть лет оказался в доме, где не раз бывал Распутин. Дело в том, что хозяйка дома, купчиха Анисья Ивановна Решетникова

была горячей почитательницей Григория Ефимовича и не раз принимала его в своём доме, когда «святой старец» приезжал в Москву. Здесь можно было рассчитывать на хлебосольный приём – помимо доходных домов, семья владела торговым домом «И.С. Решетников и К°». К тому же один из сыновей покойного Ивана Степановича стал соучредителем «Лежнёвской мануфактуры», а другой – совладельцем красильно-аппретурной фабрики, которая принадлежала ему и во времена нэпа.

Большая Пироговская улица, дом № 35.

Из воспоминаний Любви Белозерской:

«Наш дом (теперь Большая Пироговская, 35А) – особняк купцов Решетниковых. В верхнем этаже – покои бывших хозяев. В наш первый этаж надо спуститься на две ступеньки. Из столовой, наоборот, надо подняться на две ступеньки, чтобы попасть через дубовую дверь в кабинет Михаила Афанасьевича. Дверь эта очень красива, темного дуба, резная. Ручка – бронзовая птичья лапа, в когтях держащая шар. ... Здесь же, на Большой Пироговской, был написан "Консультант с копытом" (первый вариант в 1928 году), легший в основу романа "Мастер и Маргарита"».

А вот что рассказала Екатерина Шереметьева, заведовавшая литературной частью Ленинградского Красного театра. В 1930 году она приехала в Москву, чтобы уговорить Булгакова написать пьесу:

«Булгаков привёз меня на Большую Пироговскую. Напротив сквера, в маленьком дворе, стоял невысокий (помнится, деревянный) дом. В низком первом этаже этого дома располо-

жила необычная квартира. Открывая дверь из передней в квартиру, Михаил Афанасьевич предупредил: «Осторожно, ступеньки». Пол в столовой был выше, чем в передней, и у самой двери, в углу, – две или три ступеньки. Столовая очень маленькая, потолок низкий, окна невысоко от пола. В том же углу, где ступеньки и дверь из передней, в другой стенке – ещё дверь (кажется, в кабинет Михаила Афанасьевича), третья дверь – в противоположной стенке».

О жизни Булгакова в этом доме вспоминал и Сергей Ермолинский – один из квартирантов дома № 9 в Мансуровском переулке был хорошо знаком с семьёй Булгаковых:

«В ту пору он уже поселился на Большой Пироговской. При нём появились люди, которые имели право построить небольшой дом и становились его частными владельцами. У одного из таких застройщиков Булгаков и арендовал трёхкомнатную квартиру, немалая по тем временам роскошь».

Напротив дома Решетниковых располагалось здание Клиники кожных и венерических заболеваний. Возможно, это совпадение, но в 1918 году у Булгакова был частный кабинет венеролога в Киеве.

1907 г. Клиника кожных и венерических заболеваний напротив дома Решетниковых.

1900 г. Вид с Воробьёвых гор на Большую Пироговскую улицу. Слева – комплекс университетских клиник, а на переднем плане – Новодевичий монастырь. В 1940 году Булгаков был похоронен на кладбище этого монастыря.

В 1934 году Булгаков получил квартиру в кооперативном писательском доме по адресу Нащокинский переулок, дом № 3Б.

1927 г. Нащокинский переулок. Третий дом слева – № 3Б, до реконструкции.

Согласно перечню домов Москвы в Нащокинском переулке располагалось двадцать строений. Дом писательского кооператива, председателем которого был Матэ Залка, венгерский писатель и российский чекист, по разным данным, располагался в доме то ли № 3, то ли №

3/5, то ли № 5, то ли № 3-5. Если судить по сохранившейся фотографии, этот дом был третьим от угла.

Из воспоминаний Дзидры Тубельской, жены одного из сыновей Евгения Шиловского, от которого Елена Нюрнберг ушла к Булгакову:

«Жили Булгаковы на верхнем этаже писательского дома. Входная дверь открывалась в переднюю, сплошь уставленную книжными полками. Далее главная комната – гостиная. Стены её были оклеены синими обоями. Мебель красного дерева, на потолке хрустальная люстра. В центре комнаты, под люстрой, круглый стол, раздвигавшийся, когда приходили гости. В углу – рояль. Из этой комнаты две двери, направо и налево, вели в кабинет Михаила Афанасьевича и в комнату Сережи, младшего брата Жени... [в доме были ещё Серёжина бонна и горничная-кухарка] Внимание моё привлекла конторка красного дерева, за которой он работал, когда был здоров. Несколько поодаль стоял секретер Елены Сергеевны, тоже старинный, красного дерева».

Из воспоминаний Виктора Ардова (Виктора Ефимовича Зигбермана):

«Через несколько лет судьба свела нас в одном доме: мы стали жить в соседних подъездах писательского дома в Нащокинском переулке (ныне улица Фурманова). К тому же, помимо старых приятельских отношений, у нас появилась ещё одна причина для частых встреч: пасынок Михаила Афанасьевича – Сережа Шиловский (ему было восемь лет) подружился с моим пасынком Алёшей Баталовым (а Алёше исполнилось шесть лет). Мальчики вместе гуляли, играли, Булгаков, очень трогательно друживший с Сережей, часто заходил к нам вместе с ним. И я бывал у Булгаковых».

В доме писателей в Нащокинском переулке Булгаковы получили небольшую двухкомнатную квартиру и беспокойного соседа. Это был Сергей Михалков, который часто устраивал шумные застолья в его квартире. Другим писателям больше повезло – в 1937 году в доме № 17 в Лаврушинском переулке, расположенном в Замоскворечье, обосновались Илья Ильф с Евгением Петровым, Валентин Катаев, Лев Никулин, Юрий Олеша, Борис Пастернак и другие мастера пера.

Писательский дом в Лаврушинском переулке – «Дом Драмлита» из романа «Мастер и Маргарита».

Дом в Лаврушинском переулке стал прототипом «Дома Драмлита» из романа «Мастер и Маргарита»:

«Её внимание привлекла роскошная громада восьмизэтажного, видимо, только что построенного дома. Маргарита пошла вниз и, приземлившись, увидела, что фасад дома выложен чёрным мрамором, что двери широкие, что за стеклом их виднеется фуражка с золотым галуном и пуговицы швейцара и что над дверьми золотом выведена надпись: «Дом Драмлита».

Маргарита щурилась на надпись, соображая, что бы могло означать слово «Драмлит». Взяв щетку под мышку, Маргарита вошла в подъезд, толкнув дверь удивленного швейцара, и увидела рядом с лифтом на стене чёрную громадную доску, а на ней выписанные белыми буквами номера квартир и фамилии жильцов. Венчающая список надпись «Дом драматурга и литератора» заставила Маргариту испустить хищный задушенный вопль. Поднявшись в воздух повыше, она жадно начала читать фамилии: Хустов, Двубратский, Квант, Бескудников, Латунский...

– Латунский! – завизжала Маргарита. – Латунский! Да ведь это же он! Это он погубил мастера».

С именем Булгакова связана и Поварская улица. Дом № 52 известен как «Дом Ростовых» – Лев Толстой описал его в романе «Война и мир». Бывшая усадьба Долгоруковых во второй половине XIX века перешла во владение семейства баронов Боде-Колычёвых. По отзывам современников, она представляла собой музей средневековых достопримечательностей, особую ценность среди которых представляли картинная галерея и коллекция оружия. Долгие годы Михаил Львович Боде-Колычёв собирал документы и материалы по истории рода Колычёвых, к которому принадлежала его жена, Наталья Фёдоровна. Итогом работы стал внушительного объёма труд «Боярский род Колычёвых». В своём имении Лукино Звенигородского уезда Московской губернии Михаил Львович построил мемориал рода Колычёвых, включавший некое подобие кремля, церковь-усыпальницу и часовню. В главном доме усадьбы находилась фамильная портретная галерея. После кончины Боде-Колычёва усадьбу унаследовала его дочь Наталья Михайловна, которая была замужем за художником Фёдором Соллогубом, в связи с чем нередко владение именуется как «усадьба Соллогуба». Надо признать, это печальный дом – после революции здесь до 1919 года обреталась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, затем Союз писателей СССР, а в 1940 году в усадьбе проходило прощание с Михаилом Булгаковым.

1915 г. Главный дом усадьбы Бодэ-Колычёвых на Поварской улице. Здесь в 1940 году проходило прощание с Михаилом Булгаковым.

Глава 2. Дом Маргариты

Долгое время исследователи пытаются выяснить, какой дом Булгаков выбрал в качестве прототипа дома героини «закатного романа». Вот описание полёта Маргариты:

«Пролетев по своему переулку, Маргарита попала в другой, пересекавший первый под прямым углом. Этот заплатанный, заштопанный, кривой и длинный переулок с покосившейся дверью нефтелавки, где кружками продают керосин и жидкость от паразитов во флаконах, она перерезала в одно мгновение. ... Только каким-то чудом затормозившись, она не разбилась насмерть о старый покосившийся фонарь на углу. <...> Третий переулок вел прямо к Арбату...»

Этот отрывок из романа «Мастер и Маргарита» уже многократно цитировался в книгах о Булгакове, однако разночтения относительно адреса дома Маргариты остаются. Ищут дом на Спиридоновке, на Остоженке, на третьей Мещанской, в Малом Власьевском и Малом Ржевском. Каким-то непонятным образом оказался в этом списке особняк Александры Дерожинской в Кропоткинском, бывшем Штатном переулке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.